

ПРОГРАММА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К НАПИСАНИЮ ИЗЛОЖЕНИЯ

Другой формой вступительного испытания по русскому языку (письменно) является изложение. Вступительное изложение пишут абитуриенты, поступающие на богословский, миссионерский, исторический, педагогический факультеты, а также на факультеты церковных художеств, церковного пения, экономики и права.

1. Текст для изложения читается два раза.
2. Основная задача пишущего – подробная передача в соответствии с современными языковыми нормами максимально возможного объема исходного текста.
3. Изложение должно быть как можно более близким к исходному тексту.
4. При этом изложение должно строго следовать этому исходному тексту, т.е. не содержать элементов сочинения.
5. Особое внимание надо обратить на первое и последнее предложения исходного текста, чтобы изложение имело законченный вид.
6. Необходимо установить определяющий тип текста (описание, рассуждение, повествование).
7. При первом чтении текста нужно составить план изложения (который при втором чтении следует уточнить) для того, чтобы не нарушить последовательность событий и чтобы в изложении были обособленные текстовые блоки, которые, однако, должны быть логически связаны между собой.
8. Точно и безошибочно в изложении нужно отразить фактические детали: даты, имена собственные (имена, фамилии, отчества, прозвища, клички животных, географические названия и под.), устаревшие и специальные слова и проч.
9. Необходимо установить, значения каких слов непонятны, написание каких слов вызывает сомнения, что неясно из пунктуации.
10. Все предложения с прямой речью и диалогом подлежат замене на предложения с косвенной речью – в соответствии с правилами.
11. В изложении следует сохранить единство лиц. Иначе говоря, если рассказ ведется от 1 лица (*я, мы*), то оно должно быть сохранено во всем тексте. Если же абитуриент решает «перестроиться» на 3 лицо (*он, она, оно, они*), то и все изложение от начала до конца должно вестись от 3 лица.
12. Изложение не может быть написано короткими, однотипными предложениями и не должно содержать словесных повторов.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕКСТЫ ДЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ

Н. ЛЕСКОВ ПАНЬКА-ПАСТУХ

Был у нас в деревне крепостной мальчик Панька. Рос он при господском дворе, а ел вместе с коровницей и ее детьми. Должность его была такая – «всем помогать». Это значило, что все в усадьбе имели право заставлять Паньку делать за них всякую работу, и он беспрестанно работал.

Как сейчас помню: бывало, зимой, когда мы встанем и подбежим к окнам – Панька уже везет на себе, изогнувшись, большие салазки с вязанками сена и другого мелкого корма для скотины и птицы. Мы встаем, а он уже наработался, и редко увидишь его, что он присядет к скотной избе и ест краюшку хлеба, а запивает водой из деревянного ковшика.

Спросишь его бывало: «Что ты, Паня, один сухой хлеб жуешь?» А он шутя отвечает: «Как с ухой? Он, гляди-ка, с чистой водицей».

«А ты бы еще чего-нибудь попросил: капустки, огурцов или картошечки». А Паня головой машет и отвечает: «Ну вот еще чего! Я и так наемся». Подпоясется и опять на двор идет таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилась, потому что все заставляли его помогать себе.

Был у нас нанят строгий-престрогий управитель, и любил он за всякую вину человека наказывать. Едет, бывало, на беговых дрожках и по всем сторонам смотрит: нет ли где какой неисправности. Прощенья у него уже не смели просить, потому что он этого терпеть не мог и еще прибавлял наказания.

Вот раз летом едет этот управляющий и видит, что в молодых хлебах жеребята ходят. Управитель расшумелся. А жеребят был в этом году приставлен стеречь мальчик Петрушка, сын той самой коровницы, которая Паньке картошек жалела, а все своим детям отдавала.

Выгнал Петрушка жеребят рано утром «на росу», и стало его знобить, а он сел да укрылся свиткой и так согрелся, что на него сон нашел; он и заснул, а жеребята в это время в хлеб пошли.

«Пусть Панька пока и за твоим делом посмотрит, – сказал управляющий, – а ты сейчас иди в контору и скажи, чтобы тебе двадцать розог дали. А если это до моего возвращения не исполнишь, то я при себе тебе тогда вдвое дам». Сказал это и уехал.

А Петрушка так и залился слезами. Весь трясется, потому что еще никогда его розгами не наказывали, и говорит он Паньке: «Брат, милый Панюша, очень мне страшно. Скажи, как быть».

А Панька его по голове гладит и говорит: «И мне тоже страшно было... Что с этим делать-то? Христа били...»

А Петрушка еще громче плачет и говорит: «Боюсь я идти и боюсь не идти. Лучше я в воду кинусь». А Панька его уговаривал, уговаривал, а потом сказал: «Ну, стой же ты, оставайся здесь и смотри за своим и моим делом, а я скорее сбегаю, за тебя постараюсь – авось тебя Бог помилует. Видишь ты трус какой».

Петрушка спрашивает: «А как же ты, Панюшка, постараешься?» «А уж я штуку выдумал, постараюсь». И побежал Панька через поле в усадьбу резвенько, а через час назад идет, улыбается. «Не робей, – говорит, – Петька, все сделано. И не ходи никуда – с тебя наказание избавлено».

Петька думает: «Все равно: надо верить ему», – и не пошел. А вечером управляющий спрашивает в конторе: «Что, пастушок утром приходил сечься?» «Как же, – говорят, – приходил, ваша милость». «Взбрызнули его?» «Да, – говорят, – взбрызнули». «И хорошо?» «Хорошо, постарались».

Дело и успокоилось, а потом узнали, что высекли-то пастушонка, да не того, которого было назначено, не Петьку, а Паньку (541 слово)..

В. КОРОЛЕНКО СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ

Да, у мужика Иохима истинное, живое чувство! А у нее – у матери? Неужели у нее нет ни капли этого чувства? Отчего же так жарко в груди и так тревожно бьется в ней сердце и слезы поневоле подступают к глазам?

Разве это не чувство, не жгучее чувство любви к ее обездоленному, слепому ребенку, который убегает от нее к Иохиму и которому она не умеет доставить такого же живого наслаждения?

Ей вспомнилось выражение боли, вызванное ее игрой, на лице мальчика, и жгучие слезы лились у нее из глаз, и по временам она с трудом сдерживала подступавшие к горлу и готовые вырваться рыдания.

Бедная мать! Слепота ее ребенка стала и ее вечным, неизлечимым недугом. Он сказался и в болезненно-преувеличенной нежности, и в этом всю ее поглотившем чувстве, связавшем тысячью невидимых струн ее изболевшее сердце с каждым проявлением детского страдания. По этой

причине то, что в другой вызвало бы только досаду, – это странное соперничество с хохлом-дударем, – стало для нее источником сильнейших, преувеличенно-жгучих страданий.

Так шло время, не принося ей облегчения, но зато и не без пользы: она начала сознавать в себе приливы того же живого ощущения мелодии и поэзии, которое так очаровало ее в игре хохла. Тогда в ней ожила и надежда. Под влиянием внезапных приливов самоуверенности она несколько раз подходила к своему инструменту и открывала крышку с намерением заглушить певучими ударами клавишей тихую дудку. Но каждый раз чувство нерешимости и стыдливого страха удерживало ее от этих попыток <...>.

Тем не менее изо дня в день какое-то внутреннее сознание своей силы в ней все возрастало, и, выбирая время, когда мальчик играл перед вечером в дальней аллее или уходил гулять, она садилась за пианино. Первыми опытами она осталась не особенно довольна; руки не повиновались ее внутреннему пониманию, звуки инструмента казались сначала чуждыми овладевшему ею настроению. Но постепенно это настроение переливалось в них с большею полнотою и легкостью; уроки хохла не прошли даром, а горячая любовь матери и чуткое понимание того, что именно захватывало так сильно сердце ребенка, дали ей возможность так быстро усвоить эти уроки. Теперь из-под рук выходила уже не трескучие мудреные “пъсы”, а тихая песня, грустная украинская думка звенела и плакала в темных комнатах, размягчая материнское сердце.

Наконец она приобрела достаточно смелости, чтобы выступить в открытую борьбу, и вот, по вечерам, между барским домом и Иохимовой конюшней началось странное состязание. Из затененного сарая <...> вылетали переливчатые трели дудки, а навстречу им из открытых окон усадьбы, сверкавшей сквозь листву буков отражением лунного света, неслись певучие, полные аккорды фортепиано.

Сначала ни мальчик, ни Иохим не хотели обращать внимания на “хитрую” музыку усадьбы, к которой они питали предубеждение. Мальчик даже хмурил брови и нетерпеливо понукал Иохима, когда тот останавливался:

– Э! играй же, играй!

Но не прошло и трех дней, как эти остановки стали все чаще и чаще. Иохим то и дело откладывал дудку и начинал прислушиваться с возрастающим интересом, а во время этих пауз и мальчик тоже заслушивался и забывал понукать приятеля. Наконец Иохим произнес с задумчивым видом:

– Как хорошо... <... >.

Он думал, что “милостивая пани” играет для собственного своего удовольствия и не обращает на них внимания. Но Анна Михайловна слышала в промежутках, как смолкла ее соперница-дудка, видела свою победу, и ее сердце билось от радости.

Вместе с тем ее гневное чувство к Иохиму улеглось окончательно. Она была счастлива и сознавала, что обязана этим счастьем ему: он научил ее, как опять привлечь к себе ребенка, и если теперь ее мальчик получит от нее целые сокровища новых впечатлений, то за это оба они должны быть благодарны ему, мужику-дударю, их общему учителю (579 слов).

В. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО СОЛОВКИ

Впереди засинели какие-то смутные очертания.

Большая часть богомольцев столпилась на носовой части парохода. Одни стояли на коленях и молились, другие пели псалмы. Религиозное настроение охватило даже самых равнодушных.

На лицах странниц выражалось самое искреннее умиление. Одни плакали, другие обнимались.

- Сподобил Господь святыням помолиться!
- Угодничкам, соловецким праведникам!
- Собрать бы на молебен, братцы?
- Следует! — одобрил батюшка <...>.

А острова все выростали. Неопределенно синееющие массы становились зеленоватыми. Края их очерчивались все резче и резче; из неопределенных облачных форм они принимали ясные контуры. Что-то, словно искра, сверкало там, лучась и точно колыхаясь в синеве неба.

- Это купол, братцы, святой соловецкий купол!
- Краса! – заметил угловатый олончанин стоявшей с ним рядом страннице.

Вот зеленоватая кайма стала еще гуще. Напряженный взгляд различал уже верхушки высоких сосен.

Прямо с островов неслась к нам с резкими, словно приветственными криками громадная стая чаек. Точно сотни серебряных платков развевались в воздухе. Чайки кружились близ парохода, забегали вперед и вновь отставали. Одна из них, описав громадный круг, смело уцепилась за мачту, другая, словно камень, упала на палубу и, точно у себя дома, заходила между богомольцами. Третья очутилась на руле парохода и стала чистить носом под широко распущенными крыльями.

- Чудеса это, брат!
- Птица и та от угодничков встречает странничков Христовых... Тут не просто дело... Ишь, она, что собака, к людям ластится!
- И сподобил же Господь увидеть...

А чаек все прибывало и прибывало. Вблизи показались в воде какие-то круглые, словно нырявшие, головы. Они вместе с волнами то поднимались, то опускались <...>.

- Глядь, морской зверь проявился. Нерпой прозывается.
- Поди, человека дюже жрет?
- Не... Он кроткий, за это ему от Господа два века жизни положено.
- А вон белые головы-то... Это белек... молодая нерпа... дите малое, неразумное.
- Тсс!.. Сколь много чудес у Господа...

На корме монахи пели молитвы. Волны становились все меньше и меньше. Солнечный свет льется мягкими полосами на крупные вековые сосны утесистых берегов. Море приняло зеленовато-голубой, почти прозрачный цвет. Громадные валуны и скалы кое-где лежат посреди тихих, никаким волнением невозмущаемых вод. А верхушки этих оторванных обломков острова уже зеленели, и жалкая пока травка узорчатыми гирляндами спускается вниз по серым поверхностям гранита к целым массам водорослей, оцепившим внизу эти глыбы.

Пароход тихо плывет вдоль берега, словно в бесконечной панораме развертывающегося перед нами свои чудные картины. То желтые, песчаные отмели, то зеленые откосы, то утесы, вертикально обрывающиеся вниз... А там, позади их, что за ширь лесная, что за глушь тенистая!

Но вот один поворот, и «Вера» входит в зеленую бухту, в глубине которой, словно грациозный призрак волшебного вешнего сна, поднимается белостенный монастырь с высокими круглыми башнями, массой церквей, зеленые купола и золотые кресты которых легко и полувоздушно рисуются на синеве безоблачного неба.

Все словно замерли. Не слышно и дыхания... Доносится только крик морских чаек.

Все глаза устремлены на это место поклонения... Все словно ждут чуда и боятся пропустить его. Тихо приближается пароход к обители, которая все ярче и выше поднимается перед нами из голубых волн спокойного моря.

– Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром! – шепчет рядом со мною седой, как лунь, старик и опускается на колени, поникая головою.

И сколько голов опустилось в эту минуту, сколько рук творило крестное знамение!.. (509 слов).